

ИДЕЯ СВОБОДЫ В ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОМ ИДЕАЛИЗМЕ И.КАНТА

Мишагин П. А.

Научный руководитель – д.ф.н., профессор Викторук Е.Н.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Свобода традиционно выступает одной из универсальных характеристик человеческого бытия. Это способность человека овладевать условиями своего существования, преодолевать зависимости от природных и социальных сил, сохранять возможности для самоопределения и выбора своих действий. Вопрос о свободе является одним из важнейших в определении человеком своих позиций, ориентиров своей жизни и деятельности.

Идея свободы занимает особое место в трансцендентальном идеализме И.Канта. Свободу И. Кант относит к сфере собственно метафизического неустранимого человеческого интереса, он выделяет ее из всех остальных практических идей на том основании, что она касается самих основ и смысла человеческого существования. Центральную задачу своей трансцендентальной философии Кант поэтому формулирует не иначе, как спасение свободы, как доказательство ее реальности и прояснение смысла и содержания этой идеи.

И в «Критике чистого разума», и в корпусе этических работ («Основоположения метафизики нравов», «Критика практического разума», «Метафизика нравов»), понятие свободы конституируется в силу того, что опыт с необходимостью требует завершения в чем-то безусловном, принципиально отличном от него самого. Это необусловленное ничем из эмпирического ряда как раз и есть свобода. Но подобное понимание свободы имеет только негативное, отрицательное значение, поскольку необусловленное не может быть познано и для него принципиально не находимо соответствующее созерцание. Свобода есть здесь лишь проблематическая, демаркационная, запредельная идея, очерчивающая границы наших действительных и возможных чувственных созерцаний и интеллектуальных (рассудочных) обобщений, но к ним не сводимая и не эксплицируемая через них.

Для Канта вопросы, поставленные в корпусе его этических сочинений, не чужды духу трансцендентальной философии, развиваемой им в докторской диссертации «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» и, конечно же, в «Критике чистого разума». Здесь Кант также рассуждает о возможности выхода наших знаний за пределы опыта, утверждает конститутивный характер идей, что категорически отвергалось в первой Критике, где они характеризовались как регулятивные. Выводы «Критики чистого разума» для практической сферы свободы имели бы силу постольку, поскольку мы захотели бы заниматься познанием предметов практической воли, а это невозможно, ибо для них нет соответствующего созерцания. Но все же наше знание расширено и выходит за пределы опыта. На первый взгляд, здесь явное противоречие. Однако оно мгновенно исчезает, как только мы принимаем в расчет принципиальное отличие теоретического знания от знания практического. Практический разум – это мораль и ее требования. Мораль – это своего рода допуск в непознаваемый ноуменальный мир, ибо мораль позволяет нам в обход чувственности и форм рассудочного познания заглянуть в царство сверхчувственного; именно благодаря морали становится возможным преодоление границ, непреодолимых спекулятивным разумом.

В «Критике практического разума» уже ставится вопрос о положительном содержании свободы. В отрицательном смысле (развиваемом в онтогносеологическом корпусе работ) свобода есть только независимость от чувственности, и это уже говорит

о том, что чувственно воспринимаемый мир не единственное основание нашего действия. Положительное же содержание понятия свободы немислимо, по убеждению Канта, без признания и подчинения законам царства свободы: только являясь его подданными, мы оправдываем звание человека как разумного существа. Таковы основные постулаты кантовского учения о свободе.

Если касаться нюансов экспликации идеи свободы на мораль, рассматривая свободу в ее практическом аспекте, отличном от собственно трансцендентального, у Канта форма всеобщего законодательства принадлежит разуму. Действительно, сам рассудок не может мыслить что-то определенное, если его представления не являются представлениями объектов, ограниченных условиями чувственности. Представление, независимое не только от всякого ощущения, но и от всякой материи, от любого чувственного условия, по необходимости рационально. Но разум здесь вовсе не умозаключает, поскольку осознание морального закона – это факт, но не эмпирический факт, а единственный факт чистого разума, который провозглашается таким образом как первоначально законодательствующий разум. Значит, разум – способность, непосредственно законодательствующая в способности желания. В такой форме он называется «чистым практическим разумом». В чем же суть априорного практического синтеза? Формулировки самого Канта по этому вопросу чрезвычайно разнообразны. Но на вопрос, какова природа воли, преимущественно задаваемой простой формой закона (т.е. независимо от всяких чувственных условий или естественных законов феноменального мира) мы должны ответить: это свободная воля. А на вопрос, какой закон допускает задание свободной воли как таковой, мы должны ответить: моральный закон как чистая форма всеобщего законодательства. Взаимная сопричастность свободной воли и морального закона такова, что практический разум и свобода как таковая, рассматриваемая нами сквозь призму ее практического аспекта, возможно, суть одно и то же. Однако очевидно, что с точки зрения наших представлений, именно понятие практического разума ведет нас к понятию свободы как к чему-то, что необходимо связано с понятием практического разума, к чему-то, что принадлежит последнему и, тем не менее, не содержится в нем. Действительно, понятие свободы не содержится в моральном законе, поскольку оно само является идеей спекулятивного разума. Но такая идея оставалась бы полностью проблематичной, ограничивающей и неопределенной, если бы благодаря моральному закону мы не постигали свою свободу. Ведь только благодаря моральному закону мы узнаем, что свободны. Только благодаря моральному закону наше понятие свободы обретает объективную, позитивную и определенную реальность.

Вопрос о том, к чему относится законодательство практического разума, какие объекты подчиняются практическому синтезу, И. Кантом решается как проблема дедукции. Он выдвигает предположение: только свободные существа могут подчиняться практическому разуму. Практический разум, таким образом, законодательствует над свободными существами, или, более точно, над каузальностью этих существ.

В учении И. Канта о свободе важна не только и не столько сама идея свободы, но и то, что представлено этой идеей. Логика его рассуждений такова: поскольку мы рассматриваем феномены, как они являются нам сквозь призму пространства и времени, то мы не находим ничего, что напоминало бы свободу. Феномены строго подчиняются закону естественной причинности как категории рассудка, согласно которой все является следствием чего-то еще до бесконечности, и каждая причина соединяется с предыдущей причиной. Свобода, напротив, определяется способностью спонтанно полагать состояние. Следовательно, причинность свободы, со своей стороны не подчинена по закону природы другой причине, которая определяла бы ее во времени.

Многие интерпретаторы И. Канта полагали и полагают, что практический разум, сообщая понятию свободы объективную реальность, фактически законодательствует

над объектом этого понятия. Практический разум законодательствует над вещью в себе, над свободным существом как вещью в себе, над ноуменальной и умопостигаемой каузальностью такого существа, над сверхчувственным миром, формируемым этими существами. Сверхчувственная природа, насколько мы можем составить себе понятие о ней, есть ничто иное, как природа, подчиненная автономии чистого практического разума. Закон этой автономии есть моральный закон, который, следовательно, есть основной закон сверхчувственной природы. Для Канта моральный закон есть действительно закон причинности через свободу и, следовательно, возможности некоей сверхчувственной природы. Моральный закон – это закон нашего умопостигаемого существования, т.е. закон спонтанности и каузальности субъекта как вещи в себе. Вот почему Кант различает два типа законодательства и две соответствующих области. Во-первых, это «законодательство посредством естественных понятий», в котором рассудок, задающий такие понятия, законодательствует в познавательной способности или в спекулятивном интересе разума. Его область – область феноменов как объектов всякого возможного опыта постольку, поскольку они формируют чувственно воспринимаемую природу. И, во-вторых, это «законодательство посредством понятия свободы», в котором разум, задающий такое понятие, законодательствует в способности желания, т.е. в своем собственном практическом интересе. Его область – область вещей в себе, мыслимых как ноумены постольку, поскольку они формируют сверхчувственную природу.

Итак, существа в себе, в своей свободной каузальности. Суть подчиненные для практического разума. Но в каком смысле следует понимать такое «подчинение»? Поскольку рассудок действует на феномены в спекулятивном интересе, то он законодательствует над чем-то иным нежели он сам. Но когда разум законодательствует в практическом интересе, он законодательствует над свободными и разумными существами, над их умопостигаемым существованием, независимым от любого чувственного условия. Именно такое разумное существо полагает для себя законом средства собственного разума. В границах практического разума одни и те же существа являются и субъектами и законодателями. Если моральный закон есть закон нашего умопостигаемого существования, то именно в этом случае он является формой, под которой умопостигаемые существа конституируют сверхчувственную природу. Действительно, он содержит такие определяющие принципы для всех разумных существ, которые являются источником их систематического единства. Исходя из этих посылок, Кант объясняет возможность существования зла. Зло определенным образом связано с чувственностью. Но не в меньшей степени оно основывается и на наших умопостигаемых характеристиках. Ложь или преступление феноменальны, но существует и их умопостигаемая причина. Именно поэтому нам не следует отождествлять практический разум и свободу: в свободе как идее, свободе как таковой есть пространство для осуществления свободы выбора, именно поэтому выбор совершается часто не в пользу морального закона. Но и в этом случае индивид не теряет своего ноуменального измерения. Пренебрежение к моральным законом приводит к тому, что рушатся предпосылки, позволяющие полагать ноуменальное существование и как феноменальное включать его в природу, мыслить феноменальное и ноуменальное как целое. Полагая закон, подчиняющий человека чувственности, индивиды отрицают (ограничивают) свою ноуменальность.

Кант конструирует идею свободы для доказательства того, что если не разорвать связи природной закономерности, то необходимо хотя бы изменить ее направление, добавляя новые цели, мотивы. Самопознание свободы связано с сознанием: субъект осознает себя свободным постольку, поскольку собственный поступок представляется ему идентичным сознанию свободы. Только в субъектах, обладающих сознанием, субъективность достигает с усилиями своей вершины. Однако эти усилия рационально ограничены в той мере, в какой Кант, благодаря своему учению о практическом разуме как

действительно «чистом», оказывается в плену у школы, ниспровергающей критику теоретического разума. Сознание, разумное постижение не то же самое, что и свободный поступок, его нельзя просто приравнять к воле. Но именно это, по всей видимости, и происходит у Канта. Воля для него высшее воплощение свободы, «возможность» поступать свободно. При помощи «определяющих оснований чистой воли», с которыми категории связаны «необходимым образом», Кант утверждает, что категории всегда имеют отношение только к существам как к мыслящим и в сфере практического. Благодаря воле разум обеспечивает себе статус действительности, он не связан с предметом, оформившемся раз и навсегда. Этот пункт и объединяет все разрозненные формулировки, рассыпанные по страницам трудов Канта о моральной философии. В «Основных положениях метафизики нравов» воля мыслится как способность определять самое себя к совершению поступков сообразно с представлением о тех или иных законах.

С другой стороны, скрытое принуждение, которое, согласно Канту, несет в себе категорический императив, противоречит свободе, призванной воплотиться в этом императиве как своей наивысшей определенности. Поэтому кантовский императив, далекий от всякого опыта, чуждый любой эмпирии, представлен как факт, не нуждающийся в проверке со стороны разума, вопреки принципу соотнесенности между фактическим и идеей. Антиномичность кантовского учения о свободе достигает своей высшей точки тогда, когда нравственный закон непосредственно признается одновременно разумным и неразумным. Он разумен, потому что сводится к чистому логическому разуму, а неразумен, потому что невозможно ни принять, ни тем более детально исследовать. Ответственность за антиномии вряд ли можно возложить на Канта. Логика чистого разума, логика причинности и последовательности, если она служит для идеи самосохранения, не осознавая этого, не достигая уровня самосознания, является, по сути, всего лишь маскировкой. Такая логика неразумна.

Проблемы, поставленные многочисленными критиками и апологетами в их трактовках кантовской философии свободы, только подчеркивают сложность и неоднозначность философского учения о практическом разуме. Следует отметить преимущество позиции Канта в анализе свободы по сравнению с аргументами многочисленных исследователей этой идеи. Дело в том, что Кант в своих работах пытается не просто прояснить границы теоретического знания и умерить некоторые его претензии, но и показать возможности и специфику «практического» знания, раскрывающего смысл и назначение человеческой деятельности в мире, понятном и значимом для конкретного человека. Вера в реальность персональной свободы мыслится им как общая для всех практически действующих людей логическая необходимость, как условие практического действия, поступка, в котором и реализуется индивидуальность. Личность у Канта изымается из природной и социальной детерминации, она принадлежит тому свободному, запредельному ноуменальному миру, где свободное волеизъявление превращается в причину многих событий и поступков.

Идея свободы пронизывает все сферы человеческой активности. Свобода – важнейший модус мироотношения человека. От того, как понимается свобода, выстраиваются различные концепции смысла и ценности жизни. Любые новые способы человеческой деятельности, служащие его раскрытию как разумного и гармоничного существа, могут быть реализованы только случае адекватного понимания природы человека и той свободы, носителем которой он является как разумное существо. Свобода насквозь дуалистична и антиномична, внутренне противоречива и амбивалентна. Свобода всегда будет представляться человечеству такой универсалией, которая фиксирует возможность деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания.